

*Моему сыну, дающему мне силы
и энергию быть хорошим человеком.*

*Моей бесконечно верной возлюблен-
ной и спутнице во всех приключениях.*

Моей храброй маме.

Моей любимой сестре.

Моей дорогой семье.

*И тем немногим друзьям, которые
побороли страх.*

Слово редактора

«Мой отец – Пабло Эскобар» – возможно, один из самых сложных проектов, которыми в последнее время занималась медиагруппа *Planeta*.

До недавнего времени казалось, что о знаменитом наркоторговце уже все сказано: о нем написали лучшие писатели, самые авторитетные журналисты и даже его братья. Да что там, жизнь мафиозного главы воссоздали на большом экране!

Прошло целых двадцать лет, прежде чем Хуан Пабло Эскобар, его сын, решился поведать о жизни, которую не выбирал, ее специфике и нюансах и о диковинном обличье отцовской любви в среде, полной пресыщенности и насилия. Одна за другой детали, о которых никто прежде даже не упоминал, создают для нас еще более сложную картину.

Впрочем, одним уточнением «портрета» книга не ограничивается. «Мой отец – Пабло Эскобар» позволяет нам по-новому взглянуть на множество событий, происходивших тогда в стране.

Более года Хуан Пабло Эскобар, сменивший имя на Хуан Себастьян Маррокин, и издательство *Planeta* посвятили работе над этим проектом, в котором, помимо редакционной вычитки, каждое слово должно было пройти строгую проверку на подлинность.

Огромная значимость темы, незажившие раны, тысячи людей, ставших жертвами, и десятки расследований — как завершённых, так и продолжающихся — делают эту книгу не только хорошо оформленной историей, но и важным источником информации как непосредственно в Колумбии, так и в других странах.

Введение

Я более двадцати лет хранил молчание, пока собирал свою жизнь в изгнании по крупицам. Все мое время, и этой книге, как и ее автору, следовало повзрослеть, осознать необходимость самокритики и смирения. Только после этого я был готов сесть и записать истории, которые по сей день остаются для колумбийского общества камнем преткновения.

Да и сама Колумбия за прошедшие годы созрела для того, чтобы услышать эти слова. Поэтому я и решил, что пришло время рассказать читателям о своей жизни рядом с человеком, который был мне отцом, которого я безоговорочно любил и с которым по воле судьбы разделил немало важных для Колумбии мгновений.

Со дня моего рождения и до своей смерти отец был мне другом, проводником, учителем и доверенным советчиком. Однажды, когда он еще был жив, я как-то попросил его записать свою настоящую биографию, но он не согласился. «Грегори, прежде чем писать историю, следует завершить ее».

Я клялся отомстить за смерть отца, но не прошло и десяти минут, как я эту клятву нарушил. Человек переменчив. И вот уже более двадцати лет я живу, руководствуясь четкими, но совершенно иными правилами, ос-

нованными на толерантности, мирном сосуществовании, диалоге, прощении, справедливости и примирении.

Этой книгой я не пытаюсь никого упрекнуть. Я предпочел бы, чтобы она побуждала читателей задумываться о том, как устроена наша родина и ее политика, и почему Колумбия возвращает таких людей, как мой отец.

О моем отце писали многие, и главное отличие своей книги я вижу в том, что писал без скрытых мотивов, с уважением к жизни, которую он прожил, — и к любой жизни, жизни как движущей силе мира.

И, разумеется, я не претендую на абсолютную истину. Это некий поиск, почти паломничество, попытка увидеть жизнь моего отца в новом приближении. Это личное, почти интимное расследование. Это попытка заново открыть человека со всеми его достоинствами и недостатками. Большинство этих историй он рассказывал мне, когда мы грелись у костров долгими холодными ночами в последний год его жизни. Другие он оставил мне в письменных заметках, когда его враги были предельно близки к тому, чтобы уничтожить нас всех.

Такой взгляд на историю жизни отца привел меня к знакомству с людьми, скрывавшимися на протяжении многих лет. Только сейчас они согласились уделить этой книге толику своего внимания, чтобы внести необходимую ясность в мои умозаключения и выводы издательства. И что еще важнее — чтобы больше никто и никогда не поддавался подобному дьявольскому искушению.

Я не всегда был рядом с отцом, я не знаю всех историй, с ним связанных. Любой, кто утверждает, что знает их все, лжет. Истории, содержащиеся в этой книге, стали известны мне спустя долгое время после того, как эти события произошли. Отец никогда не советовался ни со мной, ни с кем бы то ни было другим; все решения он принимал только сам.

Многое о моем отце, что можно назвать правдой, известно от силы наполовину, а то и неизвестно вовсе. Именно поэтому задача рассказать о его жизни сопряжена

с большим риском и столь же немалой ответственностью. К моей великой печали, из того, что когда-либо говорилось о нем, далеко не все, что вписывается в его образ, имеет отношение к реальности. Но я уверен, что стальной фильтр истины, установленный редактором издательства *Planeta* Эдгаром Тельесом, способствовал исправлению такого положения и успеху всего проекта.

Это очень личное и насколько возможно глубокое исследование внутреннего мира человека, который, помимо того, что был моим отцом, возглавлял одну из самых крупных мафиозных организаций в истории человечества.

Я публично прошу прощения у всех жертв моего отца, у каждой из них. То, что множество невинных людей пострадали от беспрецедентного насилия, погибли в жерновах необъявленной войны, не оставляет мне шанса обрести покой. Всем этим душам я говорю: здесь и сейчас я стремлюсь почтить память каждого из них. Эта книга написана со слезами по отцу, но без желания вернуть былое. Не из желания разоблачить или отомстить. Без попыток оправдать насилие и тем более преступления.

Читателя, несомненно, удивит содержание первых глав, поскольку я впервые раскрою глубокий конфликт с родственниками по отцовской линии. После двадцати с лишним лет непрерывных ссор с ними я уверен, что кое-кто из них горячо желал смерти отца или даже активно способствовал трагической развязке.

Я не ошибусь, если скажу, что семья моего отца преследовала нас безжалостнее, чем его злейшие враги. Все, что я говорил и делал в их отношении, всегда имело в основе абсолютное почтение к семейным ценностям, которые нельзя презреть даже в ходе самой страшной войны, и уж точно не за деньги. Богу и моему отцу известно, что я, как никто другой, хотел верить, что эта болезненная семейная драма была лишь кошмаром, а не реальностью, с которой я должен был столкнуться.

Я благодарен отцу за его жесткую искренность, которую волей судьбы я понял, но не принял и не оправдываю.

Когда в документальном фильме «Грехи моего отца»¹ я просил прощения, дети убитых лидеров Луиса Карлоса Галана и Родриго Лара Бонилья сказали мне: «Ты тоже жертва». И мой ответ на это не изменился с тех самых пор: если даже я и жертва, в длинном списке других колумбийцев я на последнем месте.

На отце лежит ответственность за свою судьбу, за свои поступки, за свой жизненный выбор — как главы семьи, как отца, как личности, и кроме того — как преступника, нанесшего и Колумбии, и остальному миру глубокие, незаживающие, по сей день открытые раны. Я мечтаю, чтобы однажды они затянулись, и даже это страдание послужило благому делу: чтобы, получив этот горький урок, никто не осмелился повторить подобное.

Я не был слепо преданным сыном. Я подвергал сомнению решения отца и много раз умолял его оставить ненависть, опустить оружие и хотя бы попытаться найти решение без насилия.

Из различных суждений о жизни моего отца можно составить новую вселенную, но для всей этой вселенной останется общим одно: его безусловная любовь к семье.

Я — человек, который хочет, чтобы его помнили за его собственные поступки, а не за деяния отца. Надеюсь, что читатель не забудет обо мне, читая эти рассказы, и не станет путать меня с моим отцом. Ведь это и моя история тоже.

Хуан Пабло Эскобар

---

¹ Грехи моего отца (исп. *Pecados de mi padre*) — аргентино-колумбийский документальный фильм 2009 г. режиссера Николаса Энтеля о Пабло Эскобаре. (Прим. ред.)

ГЛАВА 1

ПРЕДА- ТЕЛЬСТВО

3 декабря 1993 года, спустя две недели после смерти отца, нам внезапно позвонили из Медельина: на моего дядю Роберто Эскобара¹, содержащегося в тюрьме Итагуи, было совершено покушение, — ему пришло письмо с бомбой.

Мы в это время жили в апартаменте «Резиденция Такендама» в Боготе под усиленной охраной. Обеспокоенные, мы попытались выяснить, что случилось, но никто не мог нам ничего сказать. В теленовостях сообщили, что Роберто вскрыл бумажный конверт, присланный из прокуратуры, и последовал взрыв. Дядю увезли в клинику Лас-Вегаса с серьезными травмами глаз и живота.

На следующий день позвонили мои тетушки и сообщили, что в клинике не нашлось необходимого офтальмологического оборудования. И как будто этого было недостаточно, прошел слух, что вооруженный командо пытался прикончить дядю на больничной койке.

---

¹Роберто де Хесус Эскобар Гавирия (исп. *Roberto de Jesús Escobar Gaviria*; род. 13 января 1947 г.), также известный как *El Osito* (Маленький Медведь) — брат наркобарона Пабло Эскобара, бухгалтер и соучредитель Медельинского наркокартеля. (Прим. ред.)

Тогда моя семья решила перевезти Роберто в центральный военный госпиталь в Боготе, который не только был лучше оборудован, но и обеспечивал адекватный уровень безопасности. Мать зафрахтовала медицинский борт за три тысячи долларов, и как только мы получили подтверждение, что Роберто поступил в больницу, мы решили навестить его вместе с дядей Фернандо, братом матери.

Когда мы вышли из отеля, мы были обескуражены, обнаружив, что агентов из Корпуса технических расследований Генеральной прокуратуры, защищавших нас с конца ноября, без предупреждения заменили на агентов городского отделения судебной полиции и разведки. Я тогда ничего не сказал дяде, но почувствовал, что произойдет что-то плохое. В других частях здания за охрану отвечали агенты Главного управления судебной полиции и разведки и Административного отдела безопасности, на улице же за нашу безопасность отвечала колумбийская армия.

Через пару часов ожидания в больнице к нам вышел врач Роберто и сообщил, что глаза пострадали непоправимо и их необходимо удалить. Однако на это требовалось разрешение, подписанное кем-то из ближайших членов семьи Роберто. Мы отказались подписывать. Мы просили врача сделать все возможное, чтобы сохранить Роберто зрение, пусть даже шансы на успех были чрезвычайно малы. Неважно, сколько это могло стоить. Мы были готовы даже отвезти его к лучшему офтальмологу, куда бы ни пришлось ехать.

Еще через несколько часов Роберто, пока не пришедшего в сознание, вывезли из операционной и перевели в комнату, где рядом с ним постоянно находился охранник из Национального пенитенциарного и тюремного института. Лицо, живот и левая рука Роберто были перевязаны.

Мы терпеливо ждали, пока он не начал просыпаться. Наконец Роберто сказал, что различает свет и тень, но

не может распознать формы: видимо, он не вполне еще отошел от анестезии.

Когда я увидел, что он пришел в себя, я сказал ему, что беспокоюсь. Если дядю попытались убить так скоро после смерти отца, следующими окажемся мы с матерью и сестрой. Наш разговор постоянно прерывали медсестры и врачи, ходящие по палатам. В отчаянии я спросил Роберто, не припрятан ли у отца где-нибудь вертолет, на котором мы могли бы сбежать. Что мы вообще можем сделать, чтобы пережить столь явную угрозу, исходящую от врагов моего отца?

Несколько секунд он молчал, а затем велел мне взять карандаш и бумагу.

— Запиши вот что, Хуан Пабло: «ААА». Отнеси это в посольство США. Скажи, что это я тебя послал, и попроси помощи.

Я сунул бумажку в карман и сказал Фернандо, что нам нужно пойти в посольство, но в этот момент вошел хирург Роберто и сообщил нам, что настроен вполне оптимистично, так как действительно сделал все возможное, чтобы спасти дядины глаза.

Мы поблагодарили доктора и попрощались, намереваясь вернуться в отель, но тот вдруг сказал, что я должен остаться в больнице.

— Что вы имеете в виду? Почему?

— Ваша охрана еще не прибыла, — ответил он.

Слова доктора еще сильнее расшевелили мою паранойю: если он все это время был в операционной, откуда ему знать что бы то ни было о нашей безопасности?!

— Я свободный человек, доктор. Или меня здесь задерживают? Как бы там ни было, я ухожу, — я решил настаивать. — У меня подозрения, что кто-то замышляет убить меня сегодня. Нам даже охрану сменили.

Я выглядел, вероятно, чрезвычайно напуганным, и он с нажимом ответил:

— Вы здесь под нашей защитой, а не под арестом. Это военный госпиталь, мы отвечаем за вашу безопасность,